

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации Воробьева Ивана Юрьевича «Почитание монарха в армиях эллинистических государств», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история

Диссертационное исследование И.Ю. Воробьева посвящено проблеме, значимость которой для изучения эллинистического времени и античности в целом не приходится специально обосновывать. Как в греческих и итальянских полисах, так и в эллинистических царствах и в Римской империи армия была важнейшим не только политическим, но и социальным институтом, позиция которого неоднократно определяла ход истории. При этом на этапе, рано или поздно достигавшимся всеми античными обществами (для общества древней Греции этот этап в значительной мере наступил накануне эллинизма), их военная организация становилась профессиональной, и с этого момента особенное значение приобретали личные связи между воинами и их полководцами. Понятно, что роль последних в эллинистических царствах в значительной степени исполняли их правители, причем длительный период отсутствия монархии в Греции архаического и классического времени требовал обоснования их власти в форме царского культа, первая модель которого была создана Александром Великим. Соответственно, персональные связи между воинами и правителями не могли не реализовываться в форме почитания первыми последних, и это почитание царей воинами становилось важнейшей частью явления культа правителей в целом.

И.Ю. Воробьев поставил перед собой чрезвычайно масштабную и амбициозную задачу дать целостный обзор всего комплекса вопросов, связанных с воинскими культами эллинистических правителей в рамках одного диссертационного исследования. Эта задача выглядит тем амбициознее, что само ее решение приняло форму не очень большого текста общим объемом 265 страниц, включая достаточно большой научный аппарат. Тем не менее приходится предложенное им решение этой задачи нельзя назвать неудачным: по крайней мере фактографически мы не видим в его работе сколько-нибудь серьезных упущений. Можно сразу сказать, что при некоторой доработке эта

диссертация, будучи издана в формате книги, станет полезным введением в рассматриваемую в ней проблематику для всех интересующихся ею.

Диссертация И.Ю. Воробьева построена по «территориально-политическому» принципу: в ее трех главах последовательно рассматривается материал по культам правителей в воинской среде в державе Птолемеев, державе Селевкидов и в остальных эллинистических царствах. В определении объема глав принципиальную роль играет обилие материала: максимальный его объем, по оценке диссертанта, приходится как раз на державу Птолемеев, а наименьший – на «прочие» эллинистические царства, материал которых сведен вместе в главе 3. Необходимые общие моменты, связанные с исследованием, проговорены во введении и в заключении; кроме того, работа снабжена небольшим приложением, позволяющим оценить статистику воздания царям почестей в воинской среде в разных государствах и на разных их территориях.

Говоря об общих моментах, связанных с работой и нашедших отражение во введении, следует прежде всего отметить подчеркнутую ориентацию диссертанта на эпиграфический материал, по отношению к которому данные нарративной традиции и папирологии играют вспомогательную роль (с. 9-13). Надо сказать, что заявке на такое распределение материала диссертант не изменяет в большей части своей работы: исключение составляют лишь некоторые сюжеты, применительно к которым материал древних надписей практически отсутствует (например, посмертный культ Аргеадов: с. 145-158). Автор работы проявляет действительно незаурядное знание надписей, благодаря чему диссертация и приобретает отмеченное качество полезного введения в ее проблематику; нельзя не отметить и то, что использование данного материала требует и владения специфическими навыками его интерпретации, что также проявилось в работе. Не менее впечатляюще выглядит и освоение диссертантом историографии по его теме: показательно, что список использованных им источников и литературы равен примерно 1/5 работы в целом (с. 198-256); большую его часть составляет библиография, причем основной текст работы убеждает, что это не формальная аккумуляция в принципе известных

диссертанту публикаций, а реально работающий инструмент его исследования. Однако как раз в связи с этим нужно отметить не лучшую черту обзора историографии во введении к диссертации, а именно назывной принцип ее характеристики, во многом приводящий к простому перечислению использованных публикаций и их тематики (с. 14-28). Нельзя сказать, что диссертант не отступает от этого принципа: так, подробнее, чем остальные публикации, он характеризует работы А.-И. Марру, О.Ю. Климова, Р. Багнелла, А. Ханиотиса. Однако думается, что лучше было не пытаться учесть в этом разделе введения едва ли не все работы по теме диссертации, а охарактеризовать выборку наиболее важных из них, в которых наиболее адекватно отразился историографический процесс; тогда, кстати, было бы понятнее и предпочтительнее, оказанное диссертантом перечисленным выше авторам. К сожалению, такая ошибка встречается систематически в квалификационных работах самого разного статуса, препятствуя адекватной оценке вклада их авторов в историографическом контексте.

Едва ли есть смысл повторять содержание автореферата и аннотировать в этом отзыве конкретные главы работы. Это тем более нецелесообразно, что их выводы убедительно и весьма конкретно суммированы в положениях, выносимых диссертантом на защиту (с. 192-194 диссертации – в заключении, а не во введении к работе, что несколько необычно; с. 6-7 автореферата). Думается, что уместнее перейти к дискуссии с теми положениями работы, которые дают к этому некоторые основания. Так, в разделе введения, посвященном методологической основе исследования (с. 7-8), диссертант говорит, что его теоретической основой является «концепция К.К. Зельина об эпохе эллинизма как о конкретно-историческом явлении при активном сочетании и взаимодействии эллинских и местных, восточных начал в экономической, политической, религиозной, социальной сферах... с некоторыми оговорками и уточнениями» (с. 8). Последний момент настойчиво требовал бы конкретизации по следующей причине: появление в античном обществе культа правителей, в том числе в воинской среде, напрямую связано с появлением

персонализации власти, а последняя в свою очередь объясняется процессами, происходившими в гражданской общине. Для древнегреческого общества IV в. до н.э. таким процессом, получившим разрешение уже в институтах эллинизма, стал кризис классического греческого полиса, наступивший на данном этапе его развития, по сути дела, закономерно. С этой точки зрения, в аспекте эволюции древнегреческого полиса (а в диссертации рассматриваются явления, актуальные именно для греческой среды!), становление эллинистической царской власти и культа правителей как ее оформления представляют собой как раз явления стадийные, что достаточно плохо совместимо с позицией К.К. Зельина¹. Ее принятие диссертантом тем более вызывает вопросы, что, хотя он и учитывает некоторые клинописные (но, кстати, не египетские иероглифические или демотические!) источники, проблема греко-восточного синтеза как основы эллинистического культа правителей в его работе, в общем, не ставится и не затрагивается.

Не вызывают сомнений наблюдения И.Ю. Воробьева в главах 1 и 2 и вытекающие из них выводы о динамике эволюции культа правителей в воинской среде в державах Птолемеев и Селевкидов, в частности, о том, что в первой из них его становление происходит раньше, чем где-либо еще в эллинистических царствах, уже в первой половине III в. до н.э., а во второй оно резко усиливается при Антиохе III (222–187 гг. до н.э.), проявляясь теперь не только на уровне практик отдельных общин (последний вывод мы видим в положениях, вынесенных на защиту, но, к сожалению при его важности, он слабо оттенен в основной части работы). Вместе с тем, на наш взгляд, диссертант в значительной мере проходит мимо закономерности, которая объясняет и динамику в эволюции воинских культов в этих царствах, и, в частности, особенное изобилие их свидетельств в державе Птолемеев. Между тем именно в последней рано (уже в 290–280-е гг. до н.э.) происходит становление общегосударственного (по крайней мере, в масштабах египетской метрополии) культа Александра, к

¹ См. нашу известную диссертанту работу: *Ладынин И.А.* Понятие эллинизма в советской и постсоветской историографии: стадийность и закономерность или историческая конкретность и случайность? // *Диалог со временем.* 2018. № 65. С. 185–206.

которому дальше прибавляется почитание членов царского дома – чет царей и цариц. Думается, что институт этого культа играл роль своего рода «рамки», интегрирующей в пределах данной державы ее греко-македонское население, поскольку его интеграция в полисных структурах, при их дефиците, была слабее, чем в других странах восточного эллинизма². Воздействие этого института не могли не испытывать принадлежащие к этой же среде воины Птолемеев, что и должно было обусловить более раннее и интенсивное почитание ими своих государей. По сути дела, аналогичная ситуация имеет место в державе Селевкидов при Антиохе III, когда там с сильным опозданием предпринимается попытка создания общегосударственного династийного культа³; в этой связи диссертант отчасти отмечает этот фактор (с. 138-139), однако кажется, что его значимость заслуживала бы гораздо более отчетливой и акцентированной оценки.

В связи с воинскими культами царей дома Птолемеев вызывает некоторые сомнения допущение диссертанта о том, что сооружение в районе афинского дема Рамнунт неким военным магистратом афинского полиса Эпихаром святилища Арсинои II нужно считать свидетельством ее почитания птолемеевскими воинами (с. 39-41). Наверное, если они попадали туда, то совершали какие-то жесты благочестия, однако инициатива его сооружения шла не от них, и на первый план здесь должно выходить, по-видимому, стремление афинского полиса и его должностных лиц снискать себе расположение Птолемея II, для которого культ его умершей жены был исключительно важен. Далее И.Ю. Воробьев рассматривает в контексте воинского культа Птолемеев появление в Северном Причерноморье т.н. «птолемеевских перстней» с изображениями царей и цариц этой династии. В свое время мы высказывались

² См., в частности, опять же известную диссертанту работу: *Ладынин И.А.* Династический культ и эпонимное жречество Птолемеев // «Боги среди людей»: Культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире / Отв. ред. С.Ю. Сапрыкин, И.А. Ладынин. М.; СПб.: Издательство РХГА, 2016 (Труды исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, 82; Серия II: Исторические исследования, 39). С. 265–312.

³ Nuffelen P. van. Le culte royal de l'empire des Séleucides: une reinterpretation // *Historia*. 2004. Bd. 53. S. 278-301.

по этой теме⁴ и, хотя не уверены, что полностью опровергли мнение других исследователей о возможной принадлежности этих перстней отставным воинам Птолемеев, все же напомним высказанный нами против этого аргумент: такие «отставники» едва ли вернулись бы на свою северную родину из гораздо более привольного Средиземноморья. Кроме того, эти перстни служат доказательством некоей связи их обладателей с домом Птолемеев, но не обязательно их почитания. Спорным выглядит и тезис о том, что участие военных в сборе апомойры в пользу культа Арсиной указывает на их участие в нем (с. 41-42): это могло быть и чисто полицейской мерой. В итоге получается, что, хотя значимость почитания Арсиной II в воинской среде в III в. до н.э. и выглядит вполне ожидаемой и правдоподобной, она слабо подкреплена источниками, непосредственно комментируемыми в работе. Не говорит ли это о том, что диссертанту стоит еще продолжить поиск в этом направлении? Напротив, привлечение свидетельств о почестях Птолемею III при его вступлении в селевкидскую метрополию в 246 г. до н.э. (с. 46-47) выглядит избыточным: дело не только в том, что они исходили не от птолемеевских воинов, но они и вообще не были чисто воинскими и едва ли носили собственно культовый характер.

Безусловным достоинством работы оказывается привлечение, хотя и эпизодическое, материала клинописных источников из селевкидской Месопотамии (с. 120, 130); правда, в таком аспекте некоторым упущением можно было бы считать отсутствие в работе египетского иероглифического или демотического материала⁵, однако, пожалуй, более существен вопрос, стоит ли рассматривать такие свидетельства фактически в одном ряду с происходящими из несомненно греко-македонской среды. Вообще классификация

⁴ Ладынин И.А. Еще раз о перстнях «птолемеевского типа» из Северного Причерноморья: к возможной интерпретации в свете внешней политики эллинистического Египта в III в. до н.э. // Древности Боспора. Вып. 11. М.: Институт археологии РАН, 2007. С. 235-252; *Ladynin I.A. Rings for Grain. An Interpretation for the Abundant Finds of the So-called "Ptolemaic Finger Rings" of the 3rd Century B.C. in the North Black Sea Area* // Die Schätze der Erde. Natürliche Ressourcen in der antiken Welt. Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums 10, 2008 / Hrsg. E. Olshausen, V. Sauer. Stuttgart: Franz Steiner 2011 (Geographica Historica; 28). P. 245-260.

⁵ См., например, сводку имеющего отношение к теме материала в: Fischer-Bovet C. *Army and Society in Ptolemaic Egypt*. Cambridge, 2014 (Armies of the Ancient World; 1). P. 301-327.

рассмотренного в главе 1 материала, на наш взгляд, страдает ввиду того, что в нем слабо проведено различие между свидетельствами, происходящими с территории Египта и с территорий за его пределами. Наконец, если почитание Арсиной II отмечено диссертантом несколько сверх того, что позволяют источники, то он не замечает отсутствия свидетельств о культе другой знаменитой женщины дома Птолемеев – Клеопатры VII. Если таких свидетельств действительно нет, это заслуживает как минимум упоминания.

Что касается главы 3 диссертации, то необходимо отметить тщательность учета в ней материала целого ряда малых эллинистических государств, вплоть до таких, как Кирена, Коммагена, Харакена, Каппадокия, даже области Причерноморья; правда, думается, что заслуживала бы более целенаправленной оценки специфика воинских культов в государствах под властью восточных династий. Вместе с тем мы не уверены, что в работе стоило затрагивать материал, связанный с почитанием Аргеадов. Как кажется, работа вполне оформилась как обобщение материала, относящегося к собственно эллинистическому времени; материал же посмертного культа Аргеадов слишком тяготеет к сложному и требующему специального рассмотрения комплексу проблем, связанному с временем Александра.

Фактические ошибки, содержащиеся в работе, ничтожны и обнаруживаются, по сути дела, на уровне описок (например, на с. 33 конечной датой правления Александра указан 324, а не 323 г. до н.э.). Они не влияют на оценку диссертации И.Ю. Воробьева. В целом же высказанные нами возражения и замечания в значительной мере носят характер научной полемики и не служат сколько-нибудь негативной оценке представленной работы.

Подводя итог нашим соображениям, необходимо констатировать, что представленная диссертация И.Ю. Воробьева – это самостоятельное и завершенное исследование, обладающее внутренней цельностью и научной новизной, выполненное на современном методологическом уровне. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки). Нельзя не согласиться с суждениями о практической

значимости диссертации (с. 19 автореферата). Полученные в диссертации результаты, суммированные в положениях, вынесенных на защиту, представляются достоверными. Автореферат диссертации и публикации по ее теме в полной мере отражают содержание работы. Диссертация имеет достаточную апробацию в докладах и опубликованных работах автора.

Диссертация «Почитание монарха в армиях эллинистических государств» соответствует критериям, установленным для диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук в пп. 9–11 и 13 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 26.10.2023 г. № 1786), а её автор, Воробьев Иван Юрьевич, заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. – Всеобщая история.

Официальный оппонент:

доктор исторических наук, доцент,

доцент кафедры истории древнего мира

исторического факультета ФГБОУ ВО

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

ЛАДЫНИН Иван Андреевич

19 ноября 2024 г.

Контактные данные:

Телефон: +7 (905) 7942219

e-mail: ladynin@mail.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
07.00.03 – Всеобщая история (история Древнего мира)

Адрес места работы:

119992, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4

МГУ имени М.В. Ломоносова, исторический факультет

Тел.: +7 (495) 9393304; e-mail: ancient@hist.msu.ru

И.А. Ладынин
Заведующий

Воробьев И.Ю.
Старший ассистент